

— Прежде чем мы официально начнем, я должен заявить несколько вещей, — начал Е Цзюньшу. — Первое: я всего лишь туншэн (ученик, сдавший начальный экзамен), и у меня нет опыта преподавания. То, чему я могу научить сейчас — это лишь основы. Если вы пришли сюда с твердым намерением сдавать государственные экзамены на чин, я советую вам отправиться в официальную школу.

— Второе: мои методы и содержание уроков отличаются от классических. Я планирую учить вас тому, что действительно пригодится в жизни. То есть всему, что вы используете в быту, с чем сталкиваетесь или столкнетесь, и о чем знаю я сам — всему этому я вас научу. Конечно, если у вас есть особые пожелания, говорите мне, и я постараюсь включить это в программу.

— Третье: распорядок у нас такой — утром учим иероглифы, днем занимаемся арифметикой. Если у кого-то есть возражения, высказывайте их сейчас.

Когда сам Е Цзюньшу учился, наставник сразу заставлял их читать книги. После нескольких прочтений начиналась зубрежка, пока текст не отскакивал от зубов. Затем — письмо: по 500 крупных иероглифов ежедневно для тренировки каллиграфии.

Только когда ученик мог по памяти записать три основные книги для начинающих, начинался второй этап — обучение стихосложению и ритмике по таким трудам, как «Введение в рифму» или «Лес чудес для юных учащихся».

Учитывая цели его школы и неопределенность будущего, детям не нужно было глубокое знание второго этапа. Им нужно было уметь писать и применять знания. Поэтому он решил совместить чтение и письмо. Как только появится база, он научит их составлять договоры и расписки — чтобы в будущем, нанимаясь на работу к нечестному хозяину, они не попали в ловушку из-за хитроумных формулировок.

Когда Е Цзюньшу закончил говорить, в классе воцарилась гробовая тишина. Он обвел взглядом присутствующих: все — и дети, и родители — смотрели на него горящими глазами.

Он слегка кашлянул:

— Раз возражений нет, приступаем.

Он подошел к доске и встал рядом с ней:

— В нашем государстве есть три основные книги для обучения: «Троесловие», «Сто фамилий» и «Тысячесловие». Сегодня мы начнем со «Ста фамилий». У каждого из нас есть фамилия, доставшаяся от предков, и собственное имя...

Решение начать именно со «Ста фамилий» Цзюньшу обдумывал долго. Во-первых, фамилии ближе всего к повседневной жизни народа, изучать их нагляднее и проще для восприятия. Но важнее другое: в этой книге меньше всего текста, и она не требует глубокого философского толкования. Нужно просто знать, как читается та или иная фамилия и как она пишется. За одно и то же время её можно выучить полностью быстрее всего.

План Цзюньшу был прост: начать с самого легкого и за месяц с небольшим закончить книгу. Учить примерно по десять иероглифов в день, подстраиваясь под успеваемость. К началу зимы, когда занятия придется прервать, они как раз управятся. С такой базой две другие книги пойдут куда легче.

В первый день Е Цзюньшу не стал сразу грузить теорией. Сначала они несколько раз

прочитали начало «Ста фамилий», чтобы привыкнуть к звучанию. Затем он написал на доске имена всех присутствующих, чтобы каждый мог попробовать скопировать свое имя.

Он прошел несколько кругов по классу, подходя почти к каждому, показывая и направляя руку. Когда дело касалось их собственных имен, дети проявляли поразительное усердие. К концу утра почти все научились уверенно писать свое имя, пусть и не слишком красиво. Самые смысленные даже просили учителя показать, как пишутся имена их аму и отцов.

Днем началась арифметика. Детям не нужны были заумные вычисления, достаточно было уверенно владеть четырьмя арифметическими действиями. Освоив базу, они вполне смогут работать счетоводами, приказчиками или управляющими. Конечно, поскольку арабские цифры еще не дошли до государства Да Ся (и неизвестно, существовали ли они вообще в этом мире), прежде всего нужно было выучить написание китайских числительных.

Е Цзюньшу понимал: он дает им шанс на другую жизнь. Некоторые дети оказались очень способными — схватывали всё на лету. Будь у них возможность учиться дальше, из них вышли бы отличные ученые. Особенно выделялся младший сын дяди Фана, Сяо Шуань — хоть ему было всего шесть лет, он был на редкость сообразителен. Другие были чуть медлительны, но очень старательны, и это вызывало симпатию.

Дети бедняков вообще взрослеют рано. ...Хотя, конечно, многое зависит от воспитания.

Взгляд Цзюньшу остановился на младшем сыне дяди Ху: тот вроде и писал, но елозил на лавке так, будто ему подложили гвозди. Глазенки так и рыскали по сторонам.

Цзюньшу несколько раз проходил мимо него, а сорванец ухитрился даже строить ему рожицы. Учитель решил пока не обращать на это внимания — главное, что он не мешает остальным. Если же начнет мешать, родители, стоящие за дверью, сами примутся за воспитание, не дожидаясь просьбы учителя.

Незаметно день подошел к концу. Подводя итог, Е Цзюньшу дал первое домашнее задание:

— На сегодня это всё. Ваше задание на вечер: прописать свое имя десять раз и показать работу отцам и аму.

Это был хитрый ход: дети получают похвалу и станут учиться еще охотнее, а родители воочию увидят, что их действительно учат делу. Первый день удовлетворил и родителей, и учителя.

Во время уроков Е Цзюньшу не замечал усталости, но как только последний ученик скрылся за воротами, на него навалилось одно чувство: изнеможение! Люди этой эпохи относились к учебе с благоговением. Даже старшие дети беспрекословно слушались учителя, несмотря на его возраст. За исключением пары избалованных домашних любимчиков, которым было трудно усидеть на месте, все учились с невероятным рвением. Но преподавание всё равно выматывало.

Дневные занятия были недолгими: с половины второго до половины четвертого — всего два часа. Так что времени до вечера оставалось еще много.

Сегодня за близнецами присматривали Мин-аму и еще один гэр. Когда занятия закончились, тот гэр видя, что помощь больше не нужна, подхватил корзину и, попрощавшись, ушел. Мин-аму остался, да и Ачжи не спешил уходить: его так захватила учеба, что он на пару с Сяо Шанем увлеченно выводил их имена на песке.

Цзюньшу оставил их и пошел в комнату к близнецам. Лу-гэр и Цинь-гэр тоже пристроились рядышком, старательно выписывая что-то на своих песочных подносах. Проведя полдня без брата, Пятый и Шестой явно соскучились. Хотя старшие умели развлечь детей, и малыши весь день были довольны, стоило им увидеть вошедшего Е Цзюньшу, как игрушки были немедленно отброшены, и братья с радостным лепетом наперегонки поползли к нему.

Е Цзюньшу присел и обхватил близнецов, целуя то одного, то другого. Малыши в ответ тянули к нему свои крошечные мягкие ручонки, обнимали за шею и оставляли на щеках мокрые детские поцелуи.

— Ну что, Пятый и Шестой, скучали по старшему брату?

— Я! — А-а!

— Брат тоже по вам очень скучал! Хорошо себя вели, не капризничали?

— А-я! — А-а!

— Вот и умницы. И дальше будьте такими же послушными, договорились?

Цзюньшу вел беседу с самым серьезным видом — бог весть, как они понимали друг друга, но Мин-аму, наблюдавший за этой сценой, не мог сдержать улыбки.

Играя с близнецами, Е Цзюньшу краем сознания продолжал разговор:

— Мин-аму, вы сейчас здесь, а Ло-гэр дома совсем один — это ничего? Может, пусть он тоже приходит к нам, поучится вместе с Лу-гэром?

У Мин-аму было трое детей: двое сыновей и гэр. Старший сын вместе с Хуа-шу на время затишья в полевых работах ушли в уездный город на подработки — вернутся, скорее всего, только к первым снегам. Дома остались только Мин-аму с двумя младшими. И раз уж Мин-аму с Ачжи постоянно пропадали у Е Цзюньшу, Ло-гэр оставался в четырех стенах в полном одиночестве, что казалось Цзюньшу неправильным.

Сам он Ло-гэра вживую еще не видел — лишь смутные образы всплывали из памяти прежнего владельца тела. Этот гэр по натуре был невероятно застенчив и замкнут: он почти не выходил со двора и дичился незнакомцев, ведя жизнь настоящего затворника. Мин-аму когда-то пытался перебороть этот характер, перепробовал все мыслимые способы, но ничего не помогло, и со временем он просто опустил руки.

С точки зрения Е Цзюньшу, это подозрительно смахивало на врожденный аутизм. В эту эпоху о таких диагнозах никто не слышал, но Цзюньшу чувствовал: пускать всё на самотек нельзя. Семья Мин-аму так много помогала им, что он не мог остаться в стороне. Положение Ло-гэра здесь было куда серьезнее, чем могло бы быть в будущем.

Жаль, что Цзюньшу не был специалистом в этой области. Оставалось использовать самый простой метод: понемногу выводить его в люди, надеясь, что всё не так плохо, как он себе нафантазировал.

Мин-аму знал, что Лу-гэр тоже слушает уроки. Он серьезно задумался над предложением и ответил:

— Хорошо бы, если бы Ло-гэр просто согласился выйти из дома, а уж чтобы он решился

показаться на глаза такой толпе народу... сомневаюсь я.

Но ведь так нельзя — парню нужно расти. Если не исправить характер сейчас, как потом искать ему пару и устраивать судьбу?

В итоге Мин-аму решительно произнес:

— Завтра же заставлю его прийти сюда, пусть помогает присматривать за детьми.

— Если Ло-гэр захочет, он мог бы и грамоте поучиться, — добавил Цзюньшу.

— Ой, да брось ты. Что толку гэру от этой грамоты? К тому же, с его-то нравом он ни за что не согласится сидеть в одной комнате с такой оравой. Если он просто за порог выйдет — уже слава богу.

Припоминая те редкие мгновения, когда Ло-гэр всё же мелькал в поле зрения, Цзюньшу пришлось признать: Мин-аму зрит в корень. Он промолчал, решив про себя, что посмотрит по обстоятельствам, чем сможет помочь.

<http://bllate.org/book/15226/1343941>